

От издателя

В ожидании указа «О новом значительном сокращении приёма бутылок от населения» (зачем бутылки, если нечем их наполнять!) я стоял в очереди у приёмного пункта. Вдруг раздался шум и крик, я решил вмешаться, подошёл ближе к окошку, оказалось, приёмщица не берёт бутылку у очередника, говорит, грязная, он же пытается что-то доказать своё. Чтобы ускорить очередь, я принял решение выкупить спорную бутылку из-под шампанского. Очередник любезно согласился, пересчитал полученные от меня медяки и охотно сообщил мне, что нашёл бутылку на месте бывшего славного моря, куда и ходил именно с целью сбора реликтовых бутылок на обнажившемся дне. Но эта бутылка оказалась с содержимым, которое трудно было определить, не разбивая сосуда. Похоже, что там бумага, но если это газета, то явно не свежая. Вот он и хотел поскорее сбыть бутылку, что и удалось благодаря мне, потому он желает мне творческих успехов.

Я не сразу оценил это странное пожелание. Даже когда я дома разбил бутылку, подстелив под неё свежую газету, и обнаружил там эту самую сырую рукопись, я ещё не думал, что буду издавать её много лет вместе со своими собственными заметками.

Если кто-то из читателей найдёт в этих записках какое-то сходство с реальными событиями и лицами и захочет поделиться со мной этими соображениями, то сообщаю подобному читателю, что я являюсь лицом вымышленным и никакой ответственности ни за какие совпадения не несу.

Первая скрепка

Итак, праздник! День полной и окончательной Независимости нашего Арела Культуры!

На одной стороне, удаляющейся от нас, они, остающиеся. На другой – мы, удаляющиеся от них. Труд многих поколений превратил сегодня наш полуостров в блуждающий остров. Потомственные водолазы всего за одну геологическую эпоху подточили глубоководные берега нашей тверди, подвели под неё пузыри-понтонеры, и вот мы плывём, навсегда отходим от берегов. Берега – это ухмыляющиеся лица скептиков, агностиков и националистов. Кто-то с их стороны швыряет в нас бутылку с шампанским, но она так и не раскалывается о край нашего упругого прозрачного купола и падает в синюю воду.

На нашей стороне праздник. Во весь берег – хор потомственных водолазов, они в скафандрах, но каждый поёт для себя общий независимый Гимн:

Жили мы тесно, друг другу мешали,
Но нас ожидали дальние дали!
Слава глубинам, широтам и высям,
Ты независим, и я независим!

Водолазы поют лицом к центру нашей земли, выражая полное прощание с оставшимися на неподвижном материке. Ничего не слышно, но видно, что все эти мужественные рты поют одну и ту же вдохновенную песню:

Ты независим, и я независим!

Высоко в небе поют потомственные околпачиватели. Они там достраивают прозрачный колпак для нашего Ареала.

Долго длилось соревнование между водолазами и околпачивателями. И водолазы взяли верх над верхолазами, победила любовь и естественные условия. Условия были таковы, что водолазам оказалось легче размножаться, чем околпачивателям. Под водой ничего почти не видно, потому снималось чувство стыда, мешающее размножению, а также устранялась привередливость в отношении выбора. Схватил в подводной полумгле существо противоположного пола, вынырнул, убедился, что ночь, а не день, и дело готово. У околпачивателей было иначе. На прозрачной оболочке размножаться днём было совсем неприлично, но и ночью было неловко сознавать, что своей любовью можешь заслонить звёзды от мечтательных влюблённых непотомственных, т. е. блуждающих по нижней тверди. Водолазы вверх не смотрели, их устраивали морские звёзды. Они, размножившись, превзошли околпачивателей числом и продвинулись вперёд в своей подрывной работе. Мог бы прозойти с соревнованием совсем скандал, если бы не изменение условий. Водолазы уходили всё глубже в своей подрывной работе, и хотя выныривать они выныривали, но из-за своей темноты они зачистую выныривали с сотрудником своего же пола. Так было до тех пор, пока не ввели определённую систему маркировки. Введение этой системы было одним из следствий обмена творческим опытом между водолазами и околпачивателями: упавший в воду околпачиватель переквалифицировался в водолазы и решал проблему, переводя визуальный опыт в тактильный (ощупывательный). Они наверху определялись по силуэтам, причём чем выше и дальше друг от друга они работали, тем острее становилось это чувство. Закон силуэтности был прост: мужчина расширялся кверху, женщина же к середине, так что они издали различались примерно так же, как знаки на мужских и женских уборных. Под водой это можно определить на ощупь: идут руки на сужение кверху и на расширение к середине, значит, это то, что надо, и можно либо выныривать вместе, либо воспользоваться способом размножения, заимствованным у осьминогов. Этот способ, описанный во многих руководствах по осьминоговедению, заключался в отлучении одного из щупалец мужского индивида в направлении женского.

Нечто подобное практиковали континентальные земляне-доноры, пока не выродились от этого способа, поскольку он оправдывал себя продуктивно только в воде. Именно этот способ продвинул водолазов вперёд настолько, что падавшие сверху околпачиватели уже не достигали их глубины. Они снова всплывали и пополняли блаженную армию непотомственных, однако тот факт, что они перестали поставлять, таким образом, водолазам новые идеи, не замедлил сказаться. Видимо, околпачиватели сделали новый рывок вверх, так как однажды падающие снова стали достигать погружённых в своё дело водолазов. Дело было в том, что, достигнув определённой высоты, околпачиватели потеряли стыд перед поверхностными непотомственными обитателями. Никто их не видел ни днём, ни ночью.

Ночью, потому что благодаря колпаку стало ещё темнее, а днём благодаря его фокусирующей способности настолько светло, что никто из нижних не отваживался смотреть вверх. Так они умножились и вознеслись ещё выше, и вот стали падающие достигать водолазов, заодно и передавать им новые идеи, иссякавшие от отсутствия свежего воздуха и гнёта воды. Идеи были таковы, что пора прекратить подтачивание вглубь, пора стачивать ножку гриба по горизонтали, оставляя над собой шляпку. На этот период пришлось особенно много падений околпачивателей, у которых началось головокружение от успехов в высоте. Они падали снова, так как шляпка гриба стала деформировать-

ся и осыпаться, и упавшие околпачиватели вовремя принесли новые идеи, именно: создавать под-держивающие шляпку пузыри-понтон. Затем околпачиватели перестали падать. Потомственные водолазы решили, что они теперь всплывают обратно, не догадываясь продвинуться под шляпку гриба по горизонтали. Бывшие околпачиватели, ныне водолазы, думали иначе, – их предки тоже стали закруглять колпак, и потому падают по вертикали уже не в крошечные воды, а на плоскую шляпку гриба.

Падения были редкими, два-три за одно поколение, причём некоторые падали сознательно, им было интересно, что там внизу. Чем выше воздвигались околпачиватели, тем более рос интерес, что было связано с ослаблением видимости. Некоторые изобретали подзорные приборы из колпачного материала, приобретённого путём служебного хищения. Одно время строительство таких приборов стало прямо-таки эпидемией и повлияло в худшую сторону на ход соревнования с водолазами, которым расхищать было нечего, так как они не созидали, а только подкапывали.

То, что они наблюдали в подзорные приборы, можно назвать хаосом, или разнообразием. Глазу, привыкшему к небесной синеве, разбавленной облачной млечностью и звёздным стеклянным блеском, казалась необычной зелёная земля, рассечённая паутиной путей, по которым передвигались в разных направлениях странные частицы, единичные, сдвоенные, реже строенные, но не строем движущиеся, а просто втроём, кто из которых лишний, было неясно из-за несовершенства приборов.

Затем околпачиватели перестали падать. Потомственные водолазы решили, что они теперь всплывают обратно, не догадываясь продвинуться под шляпку гриба по горизонтали. Бывшие околпачиватели, ныне водолазы, думали иначе, – их предки стали закруглять колпак и потому падали по вертикали уже не в крошечные воды, а на плоскую шляпку гриба.

Было замечено, что падшие обратно уже не возвращались. Это было большим соблазном, которому не последовали многие лишь потому, что не всеми это было замечено. Работа околпачивателей делалась на таком расстоянии друг от друга, на котором нельзя было опознать личность сотрудника. Таким образом, исчезновение становилось заметно лишь тем двум-трём непосредственным соседям павшего. И вообще падение могли наблюдать только обладатели приборов, глядевшие вниз, вместо того чтобы заниматься созидательным соревнованием, глядя прямо перед собой. Обладатели приборов обратили внимание на результаты падений, сделали выводы и ввели в обиход принижающие приспособления, созданные всё из того же расхищенного материала. Это были прозрачные колпаки, служившие во время полёта парашютами, а после приземления первыми частными колпаками, ставшими знаменем личной независимости.

Бывшие околпачиватели снова обращали свои взоры ввысь, чему опять-таки способствовали парашюты-колпаки, переколпаченные в те же подзорные приборы, позволяющие преодолевать тоску по пережитым высотам. Но эта тоска не была длительной, через несколько поколений о ней забыли. Купол рос ввысь, колпачная ткань становилась всё утончённей, и хотя падать с её помощью было приятно, но сквозь неё уже нельзя было с увеличением глядеть вниз (падения почти прекратились) и с тоской глядеть ввысь. Стремление ввысь угасло, бывшие околпачиватели смешивались с непотомственными обитателями Временного Хаоса.

Не надо думать, будто труд водолазов был более прост. Он был бы закончен на несколько поколений раньше, если бы всё было предусмотрено заранее. Но всё предусмотреть невозможно, когда творится беспрецедентный во вселенной эксперимент.

Уже было осуществлено полное великое смыкание, ножка островного гриба была сведена на нет, братались водолазы, сошедшиеся под центром нашего Ареала. Отсутствие жёсткой связи с большой землёй дало поначалу некоторое покачивание, заметное околпачивателям, работавшим на вершине ещё не сомкнувшегося колпака.

Некоторые околпачиватели в результате этого покачивания оказались на поверхности воды раньше ликующих водолазов. И первое, что они увидели своим ясным взором, – это своеобразное кольцо, гигантский искусственный атолл, окруживший наш Ареал, не давая ему возможности отплыть в царство Независимости... Вскоре это зрелище предстало глазам вынырывающих водолазов, и слёзы радости высыхали на их подводных лицах, мужественно тотчас же вновь уходивших в пучину, чтобы продолжить бой с косной природой.

Кстати, никому даже не пришла в голову поспешная мысль протаранить это Кольцо Великих Отходов. Зачем рисковать? Куда спешить? Тем более что колпак ещё не воздвигнут! Ещё несколько

поколений – и от Кольца не осталось ни камня. Всего лишь одно тормозящее событие отделяет наше повествование от ликующего праздника.

Это так называемая история с надписями. Известно, что ни околпачиватели, ни водолазы грамоте не знали с незапамятных времён. Под водой читать было нельзя – книги размокали, на куполе тоже нельзя – ветер перепутывал страницы. Значит, надписи были нанесены не ими и не могли ими быть прочитаны. Но принцип есть принцип. Само напоминание о грамотности могло омрачить светлый праздник, ибо если некто зависит хотя бы от грамотности, призывающей тратить время на чтение, заполнять пространство сочинениями, явно чужими, то где здесь независимость? Откуда возьмётся единство взглядов, если взгляды будут блуждать по буквам, каждую из которых каждый поймёт по-своему? Проблема была поставлена и решена давно: лучше никакого образования, чем неполное высшее. Полное высшее – невозможно, ибо тогда ему должно предшествовать пустое высшее, что математически невозможно, зато пустую гордыню возбуждает высокомерие, вплоть до неумения ориентироваться в простейших вещах: шнуровать ботинки, не наступать на ноги ближнему и т. п.

История говорила, что всякое знание есть полужнание, стоит только его передать ещё кому-то. Если кто-то передаст его ещё кому-то, то этот кто-то станет, так сказать, четверть-знатоком, то есть если предыдущий был «мулатом» знания, то последующий будет «квартироном» и т. д. Некоторые представители бывших наук утверждали, что информация при передаче не изменяется в объёме, но только в форме и содержании, портится. Объясняют это так: если говоришь кому-то слово «стул» и показываешь на стул, то другой тоже будет считать стул стулом. На самом деле не так. Если встретил кого-то, кто не знает, что стул это стул, то после разъяснения ему сам начинаешь сомневаться, стул ли это. А если так со стулом, и в лучшем случае неимущий решит, что он теперь приобретает и себе стул – хорошо, если из-под вас же не стащит, – то, представьте себе, каковы могут быть последствия подробного разъяснения бессовестному, что такое «совесть». Тот понять-то поймёт прежде всего, что ты человек совестливый, сам-то не станет совеститься, а, скорее, сядет тебе на шею, уже на твою шею, а не на стул. Получается, что говорить о вещах неочевидных опаснее, чем о заведомо данных. Получается, что, как сказал «стул», так пиши – нет стула. А как сказал о неочевидном, пиши, сам пропал. Периодическое вымирание учёных красноречиво подтверждает это положение. Пиши – пропал. Вот почему ни водолазы, ни околпачиватели не только не читали, но и не писали.

Надписи были произведены на куполе на высоте высокого роста. Для их изъятия пришлось пробурить твердь в нескольких местах, и от возникших артезианских колодцев отвести воду рукавами к месту соединения двух твердей – земной и небесной.

Надписи были разные. Больше всего арифметических, таких как «Кент + Фемина = любовь». Как ни странно, «Сидр + “Фетяска”» давали ту же сумму. Был набор самых разных невразумительных сентенций. «Сам рой себе яму», «Каждому – с моё», «Всё всплывёт», «Хорошо смеётся тот, кто смеётся до упаду», «Привет из Заколпачья!». А вот пример рисуночного письма:

о о
в д лаз
о о о
п дв д й
о о
д л г
пускает
о
в здушные
пузыри

И приписка: «Всё равно такого, как околпачиватели, не пустят». Были стишки:

Мы здесь напугали,
всё ушло ввысь.
Эй, там, на куполе,
Как жизнь?

И множество зловещих свидетельств типа: «Данте и Вергилин были здесь».

Надписи эти были непонятны ещё и по нелепости многих употреблённых в них слов. Прежде всего «любовь». Любовь возможна лишь для разных существ. Для разных. Не только в смысле пола. Она есть детище возможного выбора. А что выбирать из одинаковых? Одинаковость – величайшее достижение нашей цивилизации. Мне уже приходилось говорить об этом в связи с проблемой размножения – всё многообразие гениально сведено к значкам-силуэтам с дверей туалетов. Одинаковы все, значит, все одинаково прекрасны. Сегодня встречаются он и она, завтра – она уже другая, но такая же прекрасная, как и предшествующая, настолько одинаковая, что, возможно, это та же самая, вчерашняя. Но всё одинаково, никто и не выясняет личности, так как для этого бы потребовались сложные средства выражения, вплоть до слов. Таким образом, найдено оптимальное решение проблемы любви. А раз проблема любви снята, то нет и любви. И никакие слова на стенах о ней не напомнят. Решена проблема любви, и вместе с ней автоматически решена проблема ревности, проблема верности и, что особенно важно, – проблема ненависти. И никто не говорит об изменах, ибо кому изменять, если все одинаковые, а одинаковое неизменно.

Припоминается зачёркнутая надпись, – видимо, устаревшая даже для автора её. Речь шла о так называемом одиночестве, проблема которого решалась чисто статистически: при определённой частоте полового взаимодействия трудно было совсем затеряться. А уж слово «не понимает» давно никто не понимал, ибо как это не понимать кого-то другого, если он то же самое.

Непонятны только слова. Вещи непонятны только тогда, если их берутся называть.

Вот слова «Кент» и «Фемина». Это так называемые марки так называемых ископаемых сигарет, доходящих до нашего времени в основном уже в виде окурков. Уместнее была бы надпись «У нас не курят», потому что у нас действительно не курят. Бросили от осознанной невыносимости. Первыми бросили водолазы, поскольку под водой курить невыносимо. Однако бросали долго, о чём могла свидетельствовать надпись «Водолазы под водой долго пускают воздушные пузыри». Имелись в виду, видимо, «душные» пузыри. Пускали, пускали пузыри, пока не поняли, что так долго не протянешь. Какой срок потребовался для безопасного пуска пузырей? Максимум 30–50 секунд. 30–50 секунд, это показалось долгим сроком автору надписи. Отсюда ещё можно заключить, что автор полагал, будто всё относительно. Это нелепо в свете наших понятий, согласно которым всё абсолютно.

На самом деле долго бросали именно околпачиватели: курили и бросали окурки вниз. Теперь они стали ископаемыми, и окурки, и те, кто их бросал. Как только околпачиватели побросали все окурки вниз, так и бросили курить, так как курить стало нечего.

Потом бросили курить непотомственные. Во-первых, потому что невыносимо было видеть, как водолаз пускает пузыри, а потом вдруг сам всплывает, синий от дыма. Хорошо ещё, что море тоже синее. Во-вторых, невыносимо было видеть, как вдруг за окурком, осознав, что это последний, бросается ныне уже ископаемый околпачиватель, весь зелёный от дыма, падает, хорошо ещё, что трава тоже зелёная. А в-третьих, и это самое решающее, курить под колпаком совсем невыносимо. Вопрос встал ребром, пока дым стоял коромыслом: либо всем курить, либо всем бросить. И так как дым стоял коромыслом, то дышать было то же, что курить, вот почему все и бросили.

А когда бросили курить водолазы и околпачиватели, то резко возросла производительность труда, потому что работать стали без перекуров.

Слова «Сидр» и «Фетяска» обозначали разновидности огненной воды, изготавливаемой из особым образом прокисших плодов. Это употреблялось ранее в свободное время, когда ещё было свободное время. Свободное время бывает тогда, когда нет цели. У водолазов и у околпачивателей была цель, следовательно, никакого свободного времени.

Пить спиртное было к тому же и невозможно. Водолазам, потому что спиртное легче воды и потому всё всплыло вместе с теми водолазами, которые каким-то образом поглотили некоторое количество спиртного. «Пьяному море по колено» – гласила древняя мудрость. Водолаз же работает на гораздо большей глубине и не может быть пьяным. А всплывший – какой же это водолаз, это уже водовылаз какой-то.

Околпачивателям было пить невозможно, потому что спиртное тяжелее воздуха и со временем всё оказывалось внизу, вместе с содержащими его околпачивателями.

Когда-то пили, чтобы шататься. Под водой нельзя шататься, вода держит, неинтересно. На колпаке долго не прошатаешься. И пили, чтобы словить кайф, забалдеть и оттянуться. И курили для того же. Почему в надписях было « $X + Y = \text{любовь}$ »? Курили, балдели, и, когда от дыма друг дружку не

было видно, начиналась эта самая любовь. Пили, балдели, начинали шататься, хвататься друг за дружку, чтоб не упасть, падали, и тоже начиналась любовь.

О любви уже было сказано. А кайф ловили, но по-своему. Водолазам надо было для этого только чуть-чуть всплыть, всплывали медленно, то есть тащились, и вот тебе и кайф. Но и тут нужна мера – чуть выше всплывёшь, и уже не кайф, а кессонная болезнь.

Околпачивателям достаточно было для ловли кайфа повисеть на краю неоконченного колпака. То есть – оттянуться. Но не перевисеть.

Непотомственные ловили кайф, когда вылавливали перекайфовавших водолазов, ловили на лету слишком оттянувшихся околпачивателей. И ещё они ловили кайф, рассуждая о водолазах и околпачивателях.

Результатом этих рассуждений стал единственный памятник в нашем Ареале. Единственный, потому что вспоминать было нечего с начала нашей истории. Если стремиться к одинаковости пространственных сущностей, то одинаково и время, прошлое равно будущему, мгновение подобно вечности, о чём только смели мечтать поэты прошлого. Единственный памятник назывался памятником *Великой Случайности*. Он был посвящён околпачивателю, случайно упавшему на случайно всплывшего водолаза. Случайно водолаз оказался женского пола. От их случайной встречи произошли уже упомянутые непотомственные, до которых, как известно, наш Ареал состоял только из потомственных водолазов и потомственных околпачивателей.

Конечно, только непотомственным могло прийти в голову увековечить такое случайное событие. Потомственные о нём просто-напросто ничего не знали. Но об этом потом.

Непотомственные рассуждали, что эти двое, которым поставили памятник, словили самый большой кайф. Для этого кому-то пришлось долго всплывать, а другому долго лететь, так что оба они тащились. Процесс преодоления двух сред разной плотности требовал длительности. Рассуждая об этом, немудрено было прийти к понятию времени – через длительность стремления, к понятию памяти – через понятие времени, к понятию жизни – через понятие памяти и к любви – через понятие жизни, возникшей благодаря сочетанию глубокого с возвышенным.

Одни принимали всё так и только так, другие так же, но с различной долей юмора. Непотомственные могли себе позволить юмор.

Памятник Великой Случайности был выполнен очень серьёзно и в то же время давал повод для бездны юмора. Это был большой прозрачный шар, сделанный из упавших отходов колпачного производства, внутри которого чётко выделялась эмбриональная полость, свёрнутый зародыш чем-то напоминал скорченного водолаза, который не то всплывает, не то погружается, во всяком случае, движется, что передавало идею развития в пространстве. Схематичность этой контурной полости не позволяла определить точно возраст зародыша, что намекало на идею развития во времени. В полости был внизу проделан лаз, через который любой желающий мог проникнуть внутрь Памятника, вникнуть в положение зародыша и прочувствовать идею вечного развития. Был в этом и расчёт на пользу: необходимо время от времени чувствовать себя как бы недоразвитым. Достигалось и определённое нравственное состояние, сознание того, что ты во чреве, что ты в безопасности, поскольку тебя – выносят. Так развитие связывалось с идеей, что выносят его самого. И рядом идея вынашивания, лежащая в основе всяческого творчества.

Великая Случайность – всегда источник множества ассоциаций.

Тем временем до памятника ещё не дошли и продолжали стирать никчёмные надписи. Никчёмность подчёркивалась ещё и наличием множества собственных имён. Потомственные давно таких не имели, поскольку не было надобности никого звать по имени вследствие блаженной одинаковости. Вообще звать было затруднительно, особенно в славные завершающие эпохи, водолазам вследствие большой их скученности, а околпачивателям вследствие большой рассредоточенности.

Волнами шли сосредоточения и рассредоточения, что, возможно, зависело от успехов соревнования или, наоборот, их определяло.

Когда скученные водолазы ринулись рассредоточиваться из точки максимального сжатия (принцип белого карлика в астрофизике припоминается всем, кто поверхностно знаком с эволюцией звёздного вещества), то есть бросились на борьбу с паразитным кольцом, увенчавшим глубинный этап работ, в это же время околпачиватели начали сжиматься, закупоривая колпак (перестали падать в воду!). Но сжатие не могло быть беспредельным, поэтому шар стал скручиваться в параболоид,

естественно, искажая евклидовость пространства и превращая его в своеобразную вазу, идеальным завершением которой была бы бутылка Клейна, известная математикам из математики. Однако прийти к этому изящному решению мешала боязнь впасть в неоправданный идеализм.

Во всяком случае, своевременно скучиваясь и рассредоточиваясь, ни водолазы, ни околпачиватели не испытывали потребности ни в собственных, ни в чужих именах.

Итак, имена стёрли, включая хулиганов Данте и Вергилина. Тогда проступила живопись, если это можно назвать живописью, скорее, это следует назвать художествами. Художества эти знакомы многим, и многие считают, что лучше с ними не знакомиться, особенно женщинам и детям. Художества, конечно, тоже смыли, несмотря на портретные и прочие сходства. Проступившие, наконец, реальные пейзажи принимали очень долгое время за очередные художества.

Водолазы всплывали с той стороны, наблюдая за смыванием художеств на внутренней стороне. Видимо, их очень интересовало, куда уходит вода, уровень которой в эпоху смывания весьма понизился. С наступлением темноты водолазы исчезали, а утром опять появлялись. *«Опять пейзаж с Полифемом!»* – восклицали смывающие и стирающие. Проскальзывали мимолётные околпачиватели, так как в связи с понижением уровня вод увеличилась амплитуда колебания колпака. *«Снова полёт Икара!»* – сетовали смывающие. Вернее, сетовали бы и восклицали бы, если бы знали собственные имена.

В основном же, поскольку художества отражают действительность, на протяжении нескольких поколений смывали и стирали собственные отражения. И всё это не прошло даром. Так возникла вера в бессмертие произведений искусства. Возникла она тогда, когда, наконец, выкачали всю кровешную воду.

Конец первой скрепки

* * *

Первую «скрепку» я очень быстро прочитал, бумага была сыроватая, буквы расплывались, но не тонули, всё можно было разобрать. Вторая «скрепка» была гораздо в худшем виде, она слиплась, и, чтобы не порвать страницы при чтении, я оставил её сушиться.

Вечером шла по телевизору восемьдесят девятая серия детектива «Всё равно его поймают». Производство по заказу Всепустынного комитета защиты от потопов. Мне удалось выяснить, что эта серия та же самая, что и двадцать третья, и я решил не смотреть. Позвонил инженеру Кроватьеву, которому врач запретил смотреть телевизор. Врач был с производства, а Кроватьев не справлялся с каким-то проектом, и его обязали проектировать в течение ближайших тринадцати серий. Группа активистов из молодой смены, не имеющая телевизора, добровольно контролировала, чтобы Кроватьев телевизор не смотрел. Сидели у него вечерами, сами смотрели, он же проектировал, спрашивая у них время от времени из кухни: «Ну как, не поймали?» – «Нет ещё, дядя Петя», – отвечал кто-нибудь из активистов.

Я позвонил Кроватьеву и зашёл к нему сыграть в балду. Заодно взял с собой первую скрепку. Активисты смотрят серию, мы играем, а активисты думают, что Кроватьеву помогаю с иностранных языков переводить. «Б» написал я, «р» приписал Кроватьев, «“бр” – это уже слово», – неуверенно предложил я. «Ну да, – возмутился Кроватьев, – если слово, то брр, с двумя р, а вообще междометия не в счёт». «О» написал я. «Водолазы вверх не смотрели, их устраивали морские звёзды. Они, размножившись, намного превзошли околпачивателей числом и продвинулись вперёд в своей подрывной работе, – прочитал вслух Кроватьев и добавил: – Кто “они”, – морские звёзды?» Он дописал «н», а я сказал, что я за это не отвечаю, хотя по смыслу ясно, и дописал «т». Кроватьев дописал «о» и очень встревожился, а когда вышел у меня «бронтозав», стал доказывать, что это уже слово, что это, дескать, тип руководителя. Но пришлось-таки ему приписать «р» и вписать себе «б». «С» – начал мой партнёр, я добавил «т», он «р», я «а», он «н», обрадовался и стал читать, пока я думал. «Никакого представления о системном подходе, – рассуждал он, пока я думал. – Даже о “Перт-системе” никакого понятия. Слышал о программе строительства атомных подводных лодок с ракетными установками? Они там, за океаном, т. е. за бывшим океаном, весьма преуспели в этом деле. Лодку строили для ракеты, а не ракету для лодки. Правда, результат всё равно бессмысленный, раз океана нет,

но подход был на высоте. А эти водолазы и околпачиватели совсем тёмные люди. И зачем им это всё, странно...» Я записал второе «н», получилось «странн». Кроватъев приписал «и» и снова обрадовался. Думал, что я сейчас «к» напишу, и «б» себе – один-один. «Интересно, где они доставали “Кент”, когда ещё не бросили курить?» – «Ц» – перебил я его, и ему ничего не оставалось, как вместо ожидаемого «странник» записать «странница», ещё «а», и себе второе «а», в его графе было уже «ба».

Я записал «Ю», он злорадно вставил «л», решил, что поймал меня, будто кроме «юлы» я ничего не найду. «Поймали, дядя Петя, поймали! – завопил из комнаты кто-то из активистов. – Ах, чёрт, опять не его...» – «Пьяному море по колено, и верно, древняя мудрость, – бубнил Кроватъев, – где нынче море-то возьмёшь...» – «Е!» – заявил я, и мы долго препирались, возможно ли отглагольное существительное «юление» от «юлить». Всё-таки я выпорил и этот балл, Кроватъеву уже вписали «бал».

– Да, – размечтался Кроватъев, – любовь и верно не что иное, как великая случайность. Не познакомься я с Надей случайно на аэродроме в Куцке и не дай она мне телефон, я вряд ли бы нашёл другой случай познакомиться с Верой. Звоню я, спрашиваю Надю, а мне говорят, что таких здесь нет, а я говорю, что не таких, а такой, и телефон мне на аэродроме дали. А мне говорят, что никакой Нади, что Верой зовут. Я и говорю тогда Вере, что раз так, так буду ждать на станции метро Парикмахерская, а в руках буду арбуз держать, она согласилась, что придёт, будет в шляпке. Жду, жду, арбуз тяжёлый, наконец, смотрю, стоит одна, вы, говорю, не Вера, а она говорит, что не Вера, а Люба, и ждёт Лёву. Не дождались мы Лёву и пошли ко мне арбуз есть...

Семь лет душа в душу жили, пока вдруг Лёва не нашёлся. В командировке какой-то срочной он был... Я тогда в тоске опять Вере позвонил, мне говорят, нет таких, есть Надя, потом говорит, что Вера с Лёвой давно здесь не живут и Вера никогда не жила, а только в гости когда-то ходила, пока с Лёвой не познакомилась. Правда, сейчас Лёва уехал в срочную командировку, так что если позвонит Вера, может, что передать... Я уже было хотел что передать, как тут Люба вернулась, говорит, Лёва уже не тот...

«Э!» – написал он тем временем, а я напомнил, что он сам говорил, что междометия не в счёт, и написал «х». Пришлось ему «о» дописать и приписать себе ещё «д».

Теперь я начал с «к», он добавил «р», я «е», он «с» и думал уже, что на мне крест поставил. Пока он думал, я тоже думал, а он читал дальше и думал вслух: «А разве Вергилин хулиган? Я с ним в одном бассейне плавал, когда ещё вода была. Ему врач прописал, толст он был, где ему хулиганить. Быть может, сейчас разбушевался, потому что воды нет. Хотя нет, он, кажется, Верзилин, а не Вергилин. И такого приятеля у него вроде не было, Данте».

Я записал «л», и он понял, что опять сел в лужу, «кресло» выходит, и он записал ещё «и», чтобы потянуть, я добавил «ц», он уже «е» и дописывать не стал.

– Я в этом мало что понимаю, – сказал он, отодвигая рукопись, – но есть один знакомый, писатель, подписывается псевдонимом Братья Улуповы, фамилии не помню, кажется, Фёдор, он в журнале «Скважина» работает. Зайди к нему, может, он скажет, что с этим делать. С инженерной точки зрения всё здесь липа. Подкоп под остров! А что скажут Братья Улуповы, им виднее. Скажи, что от меня, мы как-то вместе на рыбалке были, когда вода была.

«Балда!» – дописал я за него последнюю букву.

Но совет показался мне не лишним, и на следующее утро, сделав зарядку, я отправился в «Скважину».

Редакция находилась на улице Вани Дылдина, куда она переехала с площади графов Толстых. До этого она была в тупике имени Джамбула Джабаева. О многочисленных её переездах говорили, что «Скважина» всюду пытается бурить, но не фонтанирует и потому непрерывно меняет место в поисках где-то зарытых талантов.

Новое помещение было довольно большим, прежде здесь были Бани, где иногда можно было встретить популярных литераторов. Когда воды не стало, бани закрылись, но литераторы собирались здесь уже по иному поводу. Про перевод редакции говорили, что всё это неспроста, известно, что у «Скважины» есть большой опыт в области добычи воды.

– К кому? – спросил человек у входа.

– К Фёдору, – не растерялся я.

– Третья комната за углом налево, – произнёс человек и поник над газетой.

Я прошёл за угол налево.

В комнате двое играли в шахматы, а третий курил трубку и ходил взад и вперёд, останавливаясь временами перед игроками. «Я на победителя! – говорил он, останавливаясь, и вдруг заметил меня. – Садись, старичок, в ногах правды нет», – бросил он мне. «Но правды нет и выше», – уточнил один из игроков и сделал ход пешкой. Я покорно присел возле. «А пешечку я съем», – сказал второй игрок. «Ну и ешь», – парировал первый. «Учтите, я на победителя», – ещё раз остановился этот с трубкой. Второй игрок съел пешку конём, первый взял коня слоном и добавил: «Съесть?» – «Конины не жалко», – парировал второй игрок. Играли они темпераментно и разговорчиво, но так плохо, что казалось, будет чудом, если кто-то из них всё-таки выиграет. Зазвонил телефон. Третий взял телефонную трубку и сказал: «Его нет, он у начальства». – «Шах», – сказал первый. «Тебя просили», – сказал третий. «Тебе тоже шах», – сказал второй. Зазвонил телефон. «Его нет, он на лётучке», – сказал третий. – «Это тебя», – добавил он опять тому, которому шах. «Пат!» – воскликнул первый. «Пат и Паташон», – разочарованно протянул второй. «С кем же мне играть?» – развёл руками, в одной из которых была трубка, претендент. В коридоре послышались шаги. «Шеф!» – догадалось трио, и шахматы накрыли газетой.

Вошёл человек с чеховской бородкой. И все трое, успевшие сесть по разным местам за столами, подняли головы при его появлении, а затем привстали. «Космонавты приводнились», – принёс он весть. Все переглянулись и дружно расхохотались. «Чёрт! – понял юмор шеф, – ох уж этот район бывшего Атлантического океана!» Я тоже заулыбался. «Мы не знакомы?» – вежливо спросил шеф. «Это Хokusайло, – сказал с трубкой, – пишет нам на патриотические темы». – «Рад приветствовать вас, товарищ Фokusайло, – пожал он мне руку и назвался: – Прохоров». Я кивнул головой, и он добавил несколько удивлённо, почему я его не знаю, ведь мы пишем на одну и ту же тему. Я поспешил заявить, что очень даже знаю, читал ещё в школе и сейчас очень часто читаю вслух потомкам. «Потомкам? – изумился шеф Прохоров, покачал недоверчиво головой и похвалил: – Очень хорошо. – Потом повернулся резко к сотрудникам и спросил: – Материал по борьбе с сухостью стиля руководства обводнением на собаке?» – «На собаке», – ответил претендент с трубкой. «Ну, добро», – уверился шеф и вышел.

Все трое усталились на меня.

– Старичок, – сказал претендент, – ты бы набросал отчёт по командировке. Нам звонили, что ты выехал на верблюде, мы тебя так скоро не ждали. Очерк готов?

– Какой очерк?

– Тебе же о чём поручили? Ты же пишешь на патриотические темы, тебе, кажется, давали задание создать яркий очерк о красоте родной пустыни?

– Красота не в пустыне, красота в сердце араба, – огрызнулся я. – Вы меня с кем-то путаете.

– Ты не Хokusайло?

– Я не Фokusайдо.

– А где Хokusайло?

– Вы же сами сказали, едет на верблюде по родной пустыне.

– Ладно, старичок, у нас работы по горло, тогда чего тебе?

– Мне нужны Братья Улуповы.

– Братья Улуповы? – претендент нажал кнопку в столе. Тотчас же в дверях возник человек с газетой, который, впустил меня в «Скважину».

– Как сюда попал этот товарищ? – строго спросил его претендент.

– Федю спросили, – развёл руками тот, который впустил.

– Федю? Извини, Егорыч. Он тут ничего толком объяснить не может. «Тулуповы», говорит. Иди, ладно. – И снова ко мне: – Так я Федя! Ты-то кто?

– Я от Кроватьева. Вы с ним как-то на рыбалке были.

– На рыбалке? Вот память у человека! Я такого не помню! Ну, что там у тебя?

– Рукопись.

– Оставь, рассмотрим.

Федя сразу как-то посерьёзnel и протянул за рукописью руку, в которой не было трубки. Я протянул ему первую скрепку.

– Ничего себе! Сырая рукопись! Где ты сырость достал, старичок, поделись опытом?

– В бутылке.

– Ты, старичок, в бутылку не лезь. Мы рассмотрим, раз ты оставил. Тем более, тебя Кушеткин рекомендовал. Нам молодые дарования нужны! Только не поминай «Улуповых», у нас сейчас с этим скандал, почему я тебя сперва испугался. У нас тут сатирик один, известный, за материалом в очередной раз за материк выехал. Ну, жена его, понимаешь, молодая, без дарования, делать нечего, связалась с какой-то компанией, они ей мозги запудрили, братьями Улуповыми назвались. Она ведь не клонула бы, не скажись они знаменитостями. Что там они творили, одному богу известно, только вернулся сатирик с материалом, злой как чёрт, и жена к нему, где материал, а он туда, сюда – торшер в доме пропал. Ну, призналась она во всём, а Улуповых и след простыл. А как я единственный под этим псевдонимом оказался, то всё на меня свалилось. С сатириком обошлось, он, было, пришёл тут выяснять, так шеф его выставил, сказав, – ничего, злее, будет. Он шефа боится, вдруг материал надо будет пристроить. Но вот когда об этом сатириковой жены любовники узнали, тут жизни не стало. Приходили, скандалили, на торшер им плевать, говорили, им честь дорога, так сказать, мундира... В общем, видишь, как бывает, старичок, ты уж прости, что я Егорыча вызывал, выставлять приходится, Егорыч у нас спортсмен-разрядник.

Видно было, что он эту историю рассказывает не впервые и по необходимости, в его голосе была даже настоящая скорбь, и он рассказывал бы ещё подробнее, если бы не телефонный звонок.

– Его нет, он в типографии, – незаинтересованно ответил Федя и, уже положив трубку, объяснил сотрудникам: – Это меня.

Я не стал больше мешать людям работать и ушёл. Ответ на рукопись мне обещали выслать на дом, хотя я хотел сказать, что мне объяснять не надо, что там в рукописи, надо самим разобраться, что и как и что с ней делать.

Ответ пришёл в понедельник тринадцатого, как раз через три месяца после моего посещения «Скважины». Его принёс редакционный курьер в шортах и босиком. Я расписался в получении, вскрыл конверт и начал читать.

Рецензия на рукопись входящий № 149/У, 5 печатных листов.

Когда я прочёл это произведение, я невольно задумался, а кому это нужно? Кто узнает здесь себя? И я сам себе ответил: никто.

Мне показалось, что автор совсем не наш современник, он не видит и не хочет видеть ни наших достижений, ни успехов наших приятелей, ни отдельных проблем, над которыми мы все думаем. Как будто автор живёт не рядом с нами, а где-то в каком-нибудь двадцатом веке.

Повествование начинается с описания праздника. Но до праздников ли нашему читателю, который сегодня с головой ушёл в борьбу с засухой? Его только возмутят рассуждения о так называемых водолазах, да и вообще все упоминания о воде, которую, в конце концов, кто-то выкачал. Кто её выкачал? Я считаю, что это очень вредные упоминания. К счастью для читателя, написано всё это так беспомощно, что до него не дойдёт. Но вернёмся к автору, который по небрежности даже не подписался под произведением. Мне бы не хотелось лишиться молодое дарование всякой надежды на рост. Несмотря на общую безграмотность, в рукописи есть удачные места. Чувствуется забота о борьбе с курением, но ведь сегодня это уже смешно, ведь известно – табак не растёт без воды. Автор выступает против пьянства – но ему же должно быть известно, что без жидкости нет спиртного. Когда-то, да, наша вода была лучшей для производства водки. Наш автор что, радио не слушает, газет не читает? Не ходит в магазин? Разве ему не известен последний Указ о прекращении приёма бутылок в связи с невозможностью их наполнения?

Так отрыв от жизни зачёркивает все хорошие намерения. Единственно актуален вопрос о борьбе с надписями и всякими зарисовками в связи с тем, что от этого страдает дно множества высохших водоёмов. Но метод, предложенный автором, опять-таки неприемлем, так как нечем смывать, да и некому. Но мы ещё доберёмся до тех, кто пишет где попало и что попало.

Что же касается языка рукописи, то он, конечно, беден. Его засоряют жаргонные словечки типа «кайф», «оптимальное», «скафандр» и пр. Некоторые упомянутые слова сам Автор явно не понимает.

Единственно, чего я не возьму в толк: рукопись написана от руки, где Автор взял чернила? Во всяком случае, если редакция «Скважины» не стремится к экстравагантности и не хочет сослужить

Автору медвежью услугу, издать её, напечатав, не следует. Автору следует подумать о том, чтобы обсудить свои попытки в литобъединении при каком-нибудь оазисе.

По поручению редакции «Скважины» – член Избранного собрания сочинителей Дормидонт Хокусайло.

Всё завершалось красивой закорючкой, сделанной карандашом.

Дальше следовала ещё бумага, уже чуть иначе озаглавленная:

Отзыв на труд № 149/У – входящий; 0,625 печатных листов.

Только одна черта меня несколько подкупает в рукописи. Это попытка объяснить появление Тассилийских фресок в Африке. Большинство профессиональных писателей считают, что на них изображены космонавты в скафандрах. Наш непрофессиональный автор видит на этих фресках отнюдь не прилетевших существ, а вынырнувших. Мало кто сейчас вспоминает об этих существах, когда-то называемых водолазами. Были такие специалисты, которые доставали всё из-под воды. Дело это они знали хорошо, потому что сейчас мы воочию видим, что нам они ничего не оставили, ни затонувших сокровищ, ни градов Китежей, даже Атлантиды не было никакой, в этом мы сейчас убедились.

В литературе профессиональной водолазы отражены недостаточно и превратно. Из писателей прошлого можно вспомнить Зоценко, у которого огромный водолаз был постоянно бит хилым человеком. Это было потому, что уже тогда действие происходило не в воде, а на суше, где водолаз не мог соответственно самовыражаться. Наш непрофессиональный коллега берёт на себя смелость изображать водолазов в воде.

Но автору следовало бы описать не только самих водолазов, но и насосные береговые установки, так как водолазам для дыхания необходимо поставлять воздух.

Что касается так называемых «околпачивателей», то это явно вымышленные персонажи, им не место в историческом повествовании. Правда, было бы злободневно, если бы автор показал, как технически решалась проблема снабжения водой этих околпачивателей.

Ещё я хотел добавить, что у автора много случайного, необязательного. Недаром единственный в работе памятник назван памятником «Великой Случайности».

Я бы хотел посоветовать автору сделать свой выбор и не растекаться мыслью по древу. Если он будет и дальше тянуться к перу и бумаге, то ему следует брать конкретные исторические темы. Например, битва Кожемяки с печенегом. Тогда он, возможно, может быть привлечён для работы отдела под рубрикой «Чем занимались наши предки».

С коллегиальным почтением,
Член полного собрания сочинителей Жукопов-сын,
Лауреат материковой премии по самокритике.

К рецензиям было присовокуплено следующее заключение:

Редакция ознакомилась с данной рукописью и полностью разделяет точку зрения двух рецензентов, единодушно заключивших о её сырости и непригодности для публикации.

Редакция сердечно желает автору успехов в дальнейшей работе и долгих лет жизни.

С уважением,
И. О. Зав. Отделом Идругим Поделом-заде

Кто бы это мог быть? Словосочетание «иозав» натолкнуло меня на сомнение, не прав ли был Кроватъев, когда утверждал существование слова «бронтозав»? И. О., значит, не сам Зав, зав, кажется, сам Федя, т. е. «Братя Улуповы». Видимо, замещает его кто-то из двух игроков в шахматы, имя восточное, верно, один из игроков был чёрненький. Он, кажется, и говорил, что не едят конины, видимо, по аналогии со свиной.

Итак, дело с рукописью откладывается до лучших времён.

Собственно говоря, времена и сейчас неплохие. Жалобы на времена чаще встречаются в покойное, не озабоченное время. В пору забот, напротив, живётся плотнее, интереснее, а делаются все дела чётче, с большим энтузиазмом и расторопностью.

Я помню, что засуха застала врасплох обитателей Материка. Но со временем Силы самообороны навели достойный порядок. Нормализовались очереди за водой, распределение карточек на выдачу жидкостей было сделано по справедливости, по заслугам каждого. Успешно проводилась борьба с подпольной торговлей сырыми продуктами. Оригинально была решена проблема отношения к лжеучёным-алхимикам, добывавшим якобы воду из всяких веществ, согласно науке, воды не содержащих. Один шарлатан «добывал» воду даже из произведений заслуженных деятелей литературы. Вода эта для питья была непригодна, но для очистки загрязнённых предметов, частично даже для стирки вполне подходила. Но самой книжной культуре при этом наносился непоправимый вред. Как правило, из огромного многотомного собрания сочинений выходила одна, реже две брошюры, где содержались отрывочные сведения об орфографии и чистописании, а также цитаты из «Родной речи» для средней школы. Чтобы разоблачить этого шарлатана, комиссия из писателей, химиков и психиатров заставила его продемонстрировать свои опыты на самых очевидных вещах. И он провалился перед лицом передовой общественности, так и не сумев выжать ни капли ни из былины «Садко на дне морском», ни из «Сказки о золотой рыбке», ни даже из «Мойдодыра».

В общем, с этими лжеучёными решили очень верно: их оградили от прочих обитателей, предоставив им полную возможность снабжать себя водой посредством своих изобретений.

Жизнь шла своим чередом. По утрам я прогуливался с потомками в саксауловой роще. Потомки выкалывали прутиком тарантулов и скорпионов, тут уж надо было быть начеку. К счастью, собаки, гуляющие с другими взрослыми, наловчились тут же поедать этих мерзких тварей.

Я как-то поделился своими делами с профессором реликтовой географии, спортивного вида стариком в борцовском трико и пробковом шлеме.

– Лужа, вы говорите? А где находился пункт сдачи бутылок? – оживился он при моём рассказе и от волнения снял свой шлем. Эти шлемы вошли в моду после исчезновения бутылок, вместе с ними стали ненадобны и пробки. Предприимчивый народ тут же стал мастерить из них пробковые шлемы, пришедшиеся по душе всем, кто плохо переносил зной.

Я описал примерно расположение пункта.

– Вряд ли Ваш Прохоров доставил бутылку издалека, не так ли? – заметил профессор. – А если верить старинным картам, где-то в этом районе находилось реликтовое озеро, связанное каким-то образом с большим океаном. Я проверю по справочникам, называлось оно не то Балхаш, не то Байкал... Любопытно, любопытно...

В этот день стояла особенная жара, невыносимая до галлюцинаций. Где-то были какие-то неполадки, так как отряды милиции на верблюдах спешно отправлялись куда-то за горизонт. Говоря архаическим языком, в воздухе пахло грозой... Если бы так!

Огромное солнце увлеклось на закат, в мареве оно принимало причудливые очертания пунцовых сдвоенных желтков, которые вязко оседали в прозрачном, но плотном белке, из которого состоял воздух. Резкие контуры деревьев увязали в нём, казалось, что такая атмосфера – одна из причин их вечной низкорослости. Потом солнце приняло отчётливую форму песочных часов, и, прежде чем исчезнуть, одна чаша просыпалась в другую, и прибор, перевернуть который было некому, опустился за горизонт, стало темно, и в тишине было слышно, как где-то струится песок времени.

Я решил взглянуть на Вторую скрепку. Она вполне просохла, даже стала коробиться, и мне с большим трудом удалось её развернуть, не повредив страниц. Я зажёл свечу и углубился в чтение.

Вторая скрепка

Плачь, мой читатель, если ты ещё знаком с этим глаголом и если твой организм ещё способен выделять слёзы. Плачь, я же своё уже отплакал. Начать повествование радостным событием – праздником, и вдруг отрезветь, очнуться, узнав страшную правду.

Плачь, мой читатель, я обманут, и ты обманут.

Когда я узнал об этом, мне захотелось рвать на себе волосы, но, к счастью, плотно завинченный шлем помешал мне сделать это, вот почему в отличие от большинства сочинителей я сохранил свою шевелюру.

Никакого праздника не было. То, что я принял за торжественную церемонию, оказалось просто кинематографом. Кому-то пришло в пустую голову смастерить проектор из глубоководного скафандра и запустить любительскую ленту, снятую скрытой камерой, на ту часть колпака, которая была открыта для обозрения. Скрытой камерой снимались, видимо, все репетиции, которые проводились на протяжении поколений по подготовке к Великому Открытию.

Когда я потерял связь с действительностью? Когда стёрли все обнажённые изображения, возмущавшие прежде всего водолазов, ни перед кем никогда не обнажавших даже своей головы, чтобы вдруг не захлебнуться? Возмущали они и околпачивателей, так как «обнажённые» изображения находились на внутренней стороне колпака, а околпачиватели – на внешней.

Я стал припоминать различные предания, касающиеся происхождения нашего Ареала. За сменой многих поколений эти знания стёрлись, исказились, имели хождение лишь как молва, доходящая до анекдота.

Худа нет без добра, а всё, что служит выяснению истины, есть добро. Когда мы стали подмокать в связи со смыванием художеств, мы, естественно, погрузились со временем в воду, а звук распространяется в воде с гораздо большей скоростью, чем в воздухе. И если в воздухе ходили слухи, то в воде они прямо-таки забегали, и я попытался привести их в какой-то порядок.

Таким образом, реконструировался миф, назвать который можно так: «*Осландия, Козландия и Косолапландия-Медвежандия*». По первой версии в гибели материкового человечества виновны прежде всего ослы.

Осландия

Ослы осознавали тот факт, что быть ослом зазорно. Внешне осёл неприметен, и, пока он не проявил особой глупости и упрямства, нельзя сказать, осёл он или не осёл.

Ослы были существа дихотомические, то есть они полагали, что всё на свете двоится, спаривается, а третьего не дано. Система счисления у них была двоичная, состояла она из ноля и единицы, поэтому легко программировалась на счётных машинах, в развитии которых ослы весьма преуспели. Эти машины программировали и предсказывали будущее, климат, историю, личную жизнь и прочее – по принципу «бабушка надвое сказала». У самих ослов была голова – два уха.

Возникла проблема избавления от ослов. Проблему пробили на перфокартах и заложили в машину. Машина решила проблему.

Если в множестве не ясно, кто осёл, а кто нет, то надо поделить множество надвое. Первую группу устранить. По теории вероятности, в ней явно будет добрая половина ослов. Оставшуюся группу считать контрольной и снова поделить пополам. Алгоритм работает до тех пор, пока в группе не останется два элемента. Эти два элемента легко обозримы. Исключается, что оба элемента будут не ослими, так как тогда можно экстраполировать на всё исчезнувшее множество, будто все его элементы не являются ослими. Если бы это было так, никому бы не пришло в голову таким образом решать проблему. Маловероятно и то, что остаточные элементы оба будут ослими, но если так произойдёт, то, экстраполируя на исчезнувшее множество, получим, что все его элементы были ослими, так что им поделом.

Если один остаточный элемент проявит себя в качестве осла, а другой нет, это покажет, что задача была поставлена корректно. Осёл устраняется, а не-осёл устраняет оставшиеся трудности.

Проблема была поставлена, решение её было простым и доступным любому ослу. Решали её по закону дихотомии.

Вот тогда и выделилась группа, рассчитывавшая выйти из-под влияния данного эксперимента и обрести независимость. Возможно, что в неё могли попасть и некоторые ослы. Группа разделилась на водолазов и околпачивателей, но ни одна из них не устраняла другую, а обе работали на общую независимость. Чтобы отделиться, выбрали пустынный мыс, названный Новым мысом Доброй Надежды.

Такова первая версия.

К этому могу добавить некоторые данные по материалам различных разведок, следивших за средствами проведения Дихотомии.

Устранение производилось при помощи боевых головок. Боеголовки производились в расчёте на боееспособную голову населения. Для боеголовок разрабатывались различные системы наведения.

Вначале использовали системы контрастного наведения, прежде всего ориентированного на бинауральный эффект. Били по ушам. Когда-то это делалось примитивно. Подходят к избранному субъекту в переулке и говорят: что-то нам твои уши не нравятся. И – по ушам. Чаще, правда, выбор производился по очкам: раз кто-то в очках, значит читает много, раз читает много, значит знает много, а раз много знает, может заговорить. И – чтобы не заговорил – по очкам! Это уже бинокулярный эффект. Ещё применялся оральный эффект; орут: «Ты меня знаешь?» Отвечает: «Не знаю». Ему: «Ах, не знаешь!» – и – по оралу. Не по тому, на которое призывали когда-то перековать мечи, а по тому, которым, так сказать, говорят.

Этот приём полностью и межконтинентально автоматизировали. Способ наведения по ушам себя не оправдал, ослиные уши легко причёсывались и маскировались. Более эффективной оказалась оптическая система наведения по очкам.

Испытывали также контрастно-профильное наведение, это уже был удар по носам. Он себя оправдал лишь наполовину. С одной стороны, перестали совать нос куда не следует. С другой стороны, вместе с некоторыми расами огульно были устранены некоторые популярные комики, одним своим видом вызывавшие здоровый смех у обитателей.

Магнитные боеголовки были удобны тем, что наносили точный удар прямо по готовым гробам. Гробы, притягивающие подобные боеголовки, назывались по-разному: на суше это были танки, в воздухе – бомбардировщики, на акватории – авианосцы, крейсера, ракетносцы, под водой – подлодки. Эти гробы вмещали разное, но достаточное количество народа, и магнитные боеголовки применялись бы довольно долго и эффективно, если бы существовало столь же эффективное средство загонять всё новые и новые группы испытуемых в эти металлические контейнеры.

Одним из последних средств индивидуально-массового выбора были системы наведения по информационно-мысленному полю, которое окружает любую мыслящую голову. Когда-то ставился вопрос, не являются ли мыслящие головы мирными объектами, которые следует охранять. Но мыслящие машины дали непротиворечивый ответ: мыслящие головы мирными объектами не являются, поскольку все средства наведения боевых головок являются измышлениями мыслящих голов.

Чем можно поразить пустую голову, ни одна мыслящая голова не додумалась. Пустая голова ничего не излучает, про неё ещё говорят: как пробка. Это сравнение я употребляю потому, что в качестве средства защиты некоторые мыслящие головы употребляли пробковые шлемы. Для нас остаётся загадкой, помогли они или нет.

К тому же пустая голова охранялась конвенцией, согласно которой она является памятником старины.

Все эти данные навели стремящихся к полной независимости на мысль не только отделиться от материка, но и обезопасить себя при помощи колпака. Во-первых, колпак экранировал любое информационное поле и был неуязвим для всех систем самонаведения. Во-вторых, являясь моделью пустой головы, он попадал под охрану конвенции как памятник старины и был гарантирован от систем материкового дистанционного наведения.

Ещё была система наведения по запаху. Но и она оспаривалась многочисленными конвенциями, так как задевала интересы, выходящие далеко за пределы Осландии. Наведение по запаху было явным посягательством на вмешательство во внутренние дела Козландии.

Козландия

Обитатели Козландии (это уже вторая версия эсхатологического мифа) прежде всего отличалась друг от друга размерами.

Странно, но это было именно в Козландии, деление на Великанов и Карликов. Великаны были разные, а Карлики одинаковые. Если Великан в 10 раз превосходил Карлика, то на него приходилось 10 Карликов, а если больше в 1000 раз, то 1000 Карликов. Великанам было трудно противостоять Карликам. Если у Великана какие-нибудь разногласия с Карликом, то надо считаться с тем, что если Великан, например, в 10 раз превосходит Карлика, то те 10 Карликов, приходящиеся на него, в нежелательных для них случаях всегда могут призвать одиннадцатого на помощь, так как они одина-

ковы, взаимозаменяемы и не закреплены жёстко за каким-то одним Великаном. Так всегда возникал мгновенный перевес. Поэтому враждовали между собой только Великаны, потому что они разные. Допустим, понадобится Великану что-то, например, приглянулась ему красавица. Он может надеяться на успех лишь тогда, если никто из Карликов не обращает на эту красавицу никакого внимания. Вероятность такого случая невелика. (Отсюда мечты о Великой Случайности.) Если Великан в 10 раз больше Карлика, то кто-то из неробкого карликового десятка тоже может заинтересоваться той же красавицей, особенно заметив симпатию Великана – собственного вкуса у Карликов не было, и они подражали, как могли, Великанам. А Карлик, с точки зрения любой красавицы, гораздо удобнее в обиходе, чем Великан. Карлик портативен, экономичен, современен, за ним надёжнее, чем за Великаном. От Карлика можно спокойно уйти к другому Карлику, разницы никакой, но для самоутверждения приятно. Великан же смотрит как-то свысока, а в делах практических и житейских часто оказывается верхоглядом. И Великаны вечно соперничают друг с другом, пытаясь обставить друг друга по количеству Карликов, приходящихся на них, но чем больше они обставляют друг друга, тем более они обрастают нулями-Карликами.

Великаны гордятся тем, что они велики, но их губит то, что они величины разной. Карлики про себя иногда переживают, что они мелковаты, но они осознают своё достоинство в своём множестве и своей одинаковости. Отсюда идея о благе одинаковости, и без всяких Великанов.

Великаны не отличали одного Карлика от другого. Бывало так, что они говорят о величии какой-нибудь идеи несколько раз одному и тому же Карлику. Или говорят о ещё большем величии какой-нибудь идеи несколько раз одному и тому же Карлику. Или говорят о ещё большем величии какой-нибудь идеи другому Карлику, считая, что уже говорили с ним о величии предыдущей идеи. Не понимая ни в том, ни в другом случае, о какой идее идет речь, Карлики понимают, что Великаны заговариваются.

Карлики терпеть не могли Великанов, и это было второе после одинаковости свойство, которое их объединяло и делало их великими.

Само собой разумеется, что из Великанов делали козлов отпущения. В широком смысле слова. Делать из кого-то козла отпущения – это не просто взваливать на кого-то общие грехи, но и вообще заставлять всё делать. Великанам и приходилось всё делать, так как Карлики делали всё из рук вон плохо.

Великаны видели дальше, потому говорили о возвышенных целях. Наслышавшись об этих возвышенных целях, Карлики говорили о средствах.

Первыми были средства изображения целей для Карликов. То есть описание цели надо было перевести с возвышенного языка Великанов на язык любого Карлика. Работу по переводу взвалили на Великанов. По мере исполнения этой работы сами Великаны теряли уже всякое представление о возвышенности цели. Зато вследствие этого пополнялись сплочённые ряды Карликов за счёт исполнителей Великанов.

Затем шли простейшие средства передвижения к целям. Великаны изобрели для Карликов колёса и, соответственно, велосипеды, автомобили, поезда, пароходы и т. п. Однако эти средства использовались Карликами безотносительно к каким бы то ни было целям. Если уж они брали билет на средство передвижения, то всегда старались взять его «туда-обратно». А в особенном почёте был кольцевой транспорт. Разъезжая по кольцу, как на карусели, Карлики любили повторять, что у каждого своя цель.

Великаны изобрели для Карликов крылья, посредством которых можно было подняться до высоты Великана и взглянуть на эти самые возвышенные цели. Но с высоты смотреть было Карликам страшновато, и они потребовали от Великанов изобретения фюзеляжей, внутри которых не чувствовалась эта высота. Так возник самолёт как средство передвижения. Оно позволяло Карликам перелетать через любые возвышенные цели и приземляться где угодно.

Больше всего пришлось Карликам по душе такое средство, как автомобиль. Он призван был показывать, что у Карликов есть средства.

Одним из качеств средств передвижения была скорость. Карлики требовали от Великанов постоянного увеличения скорости, потому что скорость при передвижении не ощущается.

Крылья только тормозили развитие скоростей. Великанов обязали разработать бескрылые летательные аппараты. Так появились ракеты. Они оказались наилучшими средствами для подавления

любых целей. Наряду с этим Великанов обязали разработать для Карликов средства скрывать свои цели. Поэтому в Козландии пришлось развивать не только точные науки, но и науки гуманитарные или политические.

Успехи в области этих наук в Козландии были более определёнными, чем, например, в Осландии. Десятичная система счисления оказалась более удобной для решения общих проблем, и поэтому не требовалось такой сложной разработки систем самонаведения. В Козландии Великаны предложили обходиться системой дистанционного управления, так как Карликам с любой дистанции видим Великан. Но нанесение массивного удара по Великанам было нерентабельным по многим причинам, явившимся следствием опять-таки развития гуманитарных наук. Никто не хотел остаться без Великанов, т. е. без потенциальных козлов отпущения. К тому же Великаны постоянно доставляли удовольствие своими открытиями, которые они были обязаны творчески осваивать на благо Карликов. Великаны постоянно проявляли благотворную инициативу, которая тут же наказывалась обязанностью её исполнять.

Великанов просто-напросто держали под прицелом на всякий случай. Система пуска была надёжно скрыта от Великанов под землёй. Достаточно было нажатия кнопки, чтобы смести с лица земли Великанов. И Великаны жили в некотором страхе, полагая, что лучше уж быть козлом отпущения, но живым. Но страх этот был чисто идеалистическим, ибо с точки зрения материализма, даже вульгарного, было известно, что ни один Карлик не может дотянуться до вышеупомянутой кнопки.

Карлики были осторожны с Великанами ещё и потому, что внезапно поверженный Великан может придавить много Карликов, пропорционально своему превосходству.

И ещё берегли Великанов потому, что берегли и ракеты, которые должны были, в конце концов, связать козландских Карликов с Белыми Карликами Вселенной. Когда это произойдёт, то отношение к Великанам будет иное.

Тем временем Великаны разрабатывали средства связи между различными целями.

Вначале это были просто дороги, но они оказались такими широкими, что Карлики терялись, не зная, идти вдоль или поперёк. Немало Великанов отправились по этим дорогам в места не столь отдалённые, чтобы поразмышлять о приведении средств в соответствие с карликовыми целями.

Что заставило Карликов действительно почувствовать себя Великанами, это радио. Теперь голос Карлика звучал на то же расстояние, что и голос Великана, но говорил этот голос уже вполне карликовые вещи. При помощи радио стало легче управлять Великанами.

Тут же Великаны под руководством Карликов внедрили телефон, после чего ряд Великанов был отправлен в качестве козлов отпущения туда, где телефоны им не понадобятся. Карлики заподозрили, что Великаны внедрили телефон только для того, чтобы не кланяться при разговоре с Карликами. Ещё их раздражало введение телефонных номеров, что давало им какую-то маркировку, отличая друг от друга. Им всё время казалось, что у кого-то номер лучше. Зато телефон избавил от необходимости передвигаться по направлению к некоторым целям. Завязывалась дружба по телефону, входила в моду свободная любовь по телефону, осуществлялась анонимная ненависть по телефону, – это когда Карлик осмеливался говорить с другим Карликом как с Великаном: «Эй ты, козёл! Пощупай рога на своей голове!»

В то же время некоторые дети знали своих родителей только по телефону. И это было очень благотворно, ведь, не дай бог, иногда выяснить воочию, что твой родитель не Карлик, а какой-то Великан. Таким образом, через телефон осуществлялась хорошая карликовая преемственность поколений.

Когда заходит речь о поколениях, надо сказать несколько слов о генетическом типе Карликов, описать, хотя бы поверхностно, как они выглядели. Выглядели они так, как хромосомы под микроскопом, и разделялись пополам на X (икс)-Карликов и Y (игрек)-Карликов. В то же время их вид напоминал известные из математики неизвестные величины. Потому Карлики почитали всё неизвестное, у них было множество соответствующих памятников: памятник Неизвестному отцу, памятник Неизвестному вору, памятник Неизвестному любовнику, памятник Неизвестному начальнику и т. п. Авторы этих памятников тоже были неизвестны, но выглядели памятники известно как. Известны по материалам материковой разведки некоторые приглашения на открытия памятников. Вот одно из таких приглашений (из Архивов):

Вас приглашают
на открытие памятника
Неизвестному трусу!
Памятник выполнен скромно:
голый пьедестал. Сам трус
может трусливо скрываться
среди приглашённых,
не опасаясь открытия.
Вы услышите много неизвестного, –
поскольку неизвестно,
чего трус боялся,
говорить будут только
о неизвестном.
В речах будет подчёркнуто,
что, благодаря трусости неизвестного,
известным
вовсе нечего было бояться.
Вас приглашают
на открытие памятника
Неизвестному трусу.
Попробуйте
не прийти!

Таким образом, любое открытие очередного памятника по виду напоминало уравнение со многими неизвестными. Было известно, что Х-Карлики и У-Карлики издавна населяли свою часть материка. Но однажды произошло землетрясение, в результате которого страна разделилась надвое, возникла такая непомерная расселина, что понадобилось навести мост. Для этой цели впервые вывели Великанов.

Пока Великаны строили мост, сменилось несколько поколений Карликов, так что неизвестные по одну сторону расселины забыли, что по другую сторону также должны быть такие же неизвестные, и наоборот. Боязнь ещё более неизвестного заставила тех и других выставить пограничные посты у обоих концов моста, что само по себе было излишним, так как желающих добровольно ринуться на другую сторону взаимно не было. Тем не менее международный этикет требовал обмена дипломатическими представителями. Неизвестные по одну сторону боялись ещё более неизвестного, и наоборот. Как по ту, так и по другую сторону сохранялись грамотные, слышавшие от Великанов историю об Одиссее, который в связанном состоянии смог противостоять искусительному пению сирен. Итак, обе стороны обменялись представителями, но в связанном состоянии (связанные переменные), так что Х- и У-Карлики по одну сторону решили, что по ту сторону обитают чуждые им Единицы (I); и наоборот. Таким образом, связанные Иксы, маскируясь под постоянную величину, выполнили свою карликовую задачу – сделать наведённый Великанами мост полностью никчёмным.

Мне припоминается, что однажды мне пришлось столкнуться с одним из Иксов. Я жил в комнате, окрашенной слоновой костью, и полагал себя полностью отрешённым от мира. Я занимался обычным для первой молодости делом – чтением книг, когда дверь отворилась без стука, и вошёл, не здороваясь, Икс, и начал деловито увешивать портретами своих родственников мои стены, окрашенные слоновой костью. Видимо, он хотел дать мне понять, что существует Икс, для которого ничего святого, кроме своих родственников, не существует. Я же был для него настолько известной величиной, что обращать на меня внимание ему не имело смысла.

Но, возможно, что он всё-таки желал мне добра и рассчитывал, что вывешенные Иксы и Игреки наведут меня на какие-то доселе неизвестные, но необходимые и достаточные мысли.

Работал он со сноровкой и уверенностью электромонтёра, устанавливающего проводку, причём ему совсем не требовалась лестница – он складывался и вытягивался вверх, когда надо было навесить портрет повыше, и раздвигался вширь, поднимая с полу очередной из принесённых портретов.

Когда он закончил работу и, не попрощавшись, вышел, оставив дверь распахнутой, я тихонько встал и посмотрел ему вслед, удостоверившись, что ни к кому из соседей он не зашёл, а вышел прямо на улицу и смешался с праздничной толпой.

Глядя на оставленные портреты, трудно было поверить, что повесил их Карлик. Сами портреты были выполнены почти фотографически, и я очень жалею, что не могу предъявить их читателю в качестве доказательства истинности всего, чего я касаюсь в своём описании. Очень мудро поступил Гулливер, который вывез из Лилипутии карликовый скот, хорошо прижившийся и расплодившийся впоследствии в Англии. К сожалению, Гулливер не сообщил подробно, были ли среди этого скота Ослы и Козлы. Но на этот вопрос с достаточной определённой ответила сама история.

У меня не сохранились эти почтенные портреты, часть из них погибла во время пожара, часть во время наводнения, оставшиеся были искоренены вместе со стенами в период борьбы с беглецами в башню из слоновой кости.

В Козландии всюду говорило радио. Но Карликам было мало слышать, им захотелось видеть друг друга, не путая по голосу с Великанами. Великаны были брошены на создание кино и телевидения.

Первые варианты кино были немыми. В этом увидели козни создателей, которых заменили новой группой, создавшей обычное кино. Но и здесь без коварства не обошлось: кино оказалось... чёрно-белым! Это бросало тень на многокрасочную действительность тогдашней Козландии.

Наконец, новая группа разработала цветное кино. Разработавших разогнали за то, что они этого не сделали раньше, а Карлики всерьёз и надолго увлеклись кинематографией. В ней они увидели адекватную «иксацию» жизни.

Они снимались поодиночке, группами, семьями, поколениями. Возможно, что некоторые кадры из этих кинохроник злодейски использовались потом в нашем Ареале в эпоху Великого смывания художеств.

Была попытка дать возможность Великанам сыграть Карликов. Это была эпопея, посвящённая неуклонному росту Карликов. Было неэтично играть самим в таком фильме. И на киноленте Великаны делали вид, что росли, строили дома всё выше и выше. Издали можно подумать, что в таком доме живут Великаны, а на самом деле такой дом был разбит на карликовые этажи, на каждом из которых обитали Карлики нормального роста.

Вкуса у Великанов не было никакого, даже составляя домашнюю библиотеку, они ухитрились ставить рядом две книги с корешками самого взаимно неподходящего цвета.

Когда дело дошло до застолья, оказалось, что ни один Великан не может съесть столько, сколько Карлик. Что уж там говорить о выпивке!

Ещё в этой ленте было видно, что очень многое плохо лежит. А Великаны делали вид, что не замечают того, что плохо лежит, хотя им-то ещё как видно!

Очень глупо выходило с изображением принципиальности. Когда Карлик отстаивал принципы, он выходил из себя, гневался, и должны были следовать следующие слова: как следует! кому следует! куда следует! Великан никак не мог последовать этому примеру, стоило ему выйти из себя, как он тут же выходил из кадра.

А когда в одном месте хорошее общество решило на досуге перекинуться в картишки, эти недостатки стали перекидывать друг другу рулоны географических карт, потом разворачивали и читали вслух, у кого что окажется: физическая, политическая, административная. У кого оказывалась физическая, тут же подвергался физической экзекуции – по полушариям. У кого оказывалась административная, подвергался административному взысканию. У кого политическая, тех отправляли в политическую ссылку, где, как полагали, изготавливаются географические карты.

Возмутительно было отражено решение вопросов на собраниях. Там, где должно было быть много Карликов, поместилось лишь несколько Великанов, что оставляло неприятное впечатление, как будто нет кворума.

Отношение Великанов к женщине было поистине отталкивающим. Великан как бы боялся её память, говорил так, словно старался её не оглушить. И женщина тоже начинала чувствовать себя иначе, даже сами движения становились более проникновенными, не такими резкими и угловатыми, какими им полагалось быть – с точки зрения Карликов – у обыкновенной раздвижной карликовой Икс-хромосомы.

Изображая отдельные типы, Великаны опять-таки всё извращали. Их поэты твердили о каких-то высотах духа, имея в виду какую-то пресловутую духовную высоту, превышающую даже такие материальные предметы, как высоковольтные вышки, высотные здания, каланчи и телебашни.

И всё это тогда, когда на самом деле карликовые поэты в основном рыдали, обнимая карликовые берёзы и гордясь ими.

Художники, представленные Великанами, пытались изображать какой-то внутренний мир, тогда как интерес мог представлять только мир внешний. Официальные карликовые художники изображали лицо со всем его достатком, с чадами и домочадцами, мебелью, портретами предков, со всеми регалиями, сервизами и документами. Хороший портрет Карлика напоминал свифтовского лапутянина, который брал с собою все необходимые для разговора предметы, здесь же антуражем были все предметы, которыми владел их обладатель.

Что же касается музыки, которая играла какую-то роль в представлении Великанов, то до Карликов она вообще не доходила, хотя она включала как высокие, так и низкие тоны.

В этом фильме абсолютно не были отражены основные достижения Карликов, как будто всё на свете разрабатывалось одними Великанами. Например, решение проблемы пьедесталов. Чтобы их не воздвигать каждый раз для нового Карлика, достигшего уровня памятника, было предложено новые памятники воздвигать прямо и непосредственно на головах прежних. Так осуществлялась формула: Мы карлики на плечах великанов.

И что самое главное, фильм этот нельзя было показывать по телевидению: потому что Великан не входил в телеэкран.

Таким образом, фильм был снят, а все Великаны вырезаны.

Последние свидетельства о Козландии таковы: это огромное пространство, усеянное рогами и копытами. Рога, как правило, были скрещены, изображая либо Икс, либо Игрек.

Медвежандия

Версия, касающаяся Медвежандии, отличается множеством вариантов. Во всяком случае, я с самого начала отвергаю все те точки зрения, согласно которым Медведь, о котором пойдёт речь, был белым.

Медведь, которого звали Кирилл, в честь братьев Кирилла и Мефодия, сидел в своём медвежьем углу и, видимо, страдал от какой-то медвежьей болезни.

Здесь его и застали окрестные мужики, под деревом, которое отнюдь не было сандаловым.

О чём он под деревом думал, было неизвестно, но он был так углублён в свои думы, что не заметил, как мужики взяли его под микитки и отвели в населённый пункт.

Населённый пункт был невелик, между крайними домами ходил трамвай, но из-за остановок быстрее было ходить пешком, потому население им не пользовалось.

Для популяризации трамвая кондуктором хотели назначить Кирилла. Так можно было убить сразу двух зайцев, пусть медведь и не волк, но зайцы его тоже должны бояться, и проблема безбилетников будет успешно решена.

Но Кирилл водить трамвай не умел и к другим хозяйственным работам не был приучен. Возиться с ним не стали и отдали его в райцентр в зверинец.

В зверинце Кирилл вёл себя странно. Все звери, как звери, сидели в клетках и на людей глазели, люди были все разные, занятные, большие деньги платили за то, чтобы зверям показаться. А Кирилл сидел к ним всё время задом. Отучить его пытались, но ничего не вышло, невдомёк было служащим зверинца, что Кирилл хотел туда же смотреть, что и люди, ведь раз смотрят, значит что-то там есть интересное.

Это раздражало людей, но зато известный укротитель нашёл это поведение достойным поощрения. Он испросил Кирилла в своё распоряжение.

Укротитель учил Кирилла в основном ходить на четвереньках. У укротителя это получалось хорошо, у Кирилла же всё хуже и хуже. Кирилл уже знал, что укротитель ходит на службу в метро, а в метро на четвереньках не пускают. Кириллу очень хотелось побывать в метро. Прежде ему хотелось смотреть туда, куда все люди смотрят, теперь ему захотелось побывать там, куда все люди ходят.

Когда укротитель засыпал, Кирилл имел обыкновение обувать его домашние тапочки, прошаркивать в них в библиотеку и выискивать книги, где говорится о жизни и деятельности людей. Он прочитал «Жизнь животных» Брема, всего дрессировщика Дурова и художественное – кое-что из Киплинга и из Милна. Из современного – роман «Синий Халат Вселенной, или Ваше Звероподобие». В учебнике астрономии прочитал, что есть Большая и Малая Медведицы, ему стало приятно оттого, что у него есть родственники и на небе.

Но это спокойствие длилось недолго, так как укротитель от отчаяния, что не может сделать из Кирилла человека, стал окончательно спиваться и первым делом пропил книги, так что Кириллу нечего стало читать. Кирилл с ним за компанию не пил, и укротитель пил один, а последнее время с каким-то Карликом, видимо, потому, что пил уже только лёжа и с достаточно подростом человеком в таком положении неудобно чокаться.

В конечном счёте укротитель пропил Кирилла. Пропил чудовищному человеку, соблазнителью, которому Кирилл понадобился в качестве шкуры для украшения своей берлоги. У него уже висели на стене две шкуры, козлиная и ослиная, но их следовало бы постелить на пол, а на их место поместить шкуру Кирилла.

Соблазнитель рассчитался с укротителем и повёл Кирилла дворами, чтобы никто не видел, откуда он добыл свой трофей. Дворняги всю старались нарушить инкогнито Кирилла, пытаясь испортить его шкуру, их не трогал замысел кириллова провожатого. Им было всё равно, кого облаивать и терзать, будь то Кирилл, Фрол Скобеев или братья Гримм. Кирилл же, отмахиваясь от друзей человека, с обидой вспоминал Упанишады, в которых есть собачья удгитха и нет медвежьей. Соблазнитель прикрикнул несколько раз, но слова на собак не действовали, тогда он плюнул, и они тут же разбежались. Здешние собаки почему-то очень боялись воды, видимо, это было следствием потопа.

Но шкура Кирилла уже достаточно пострадала, и соблазнитель, оглядев его, размышлял, соответствуют ли места поражения его будущим рассказам. Получалось, что не соответствуют, так как все поражения были нанесены в нижней части, как будто Кирилла терзали Карлики. Соблазнитель же рассчитывал на такое единоборство, в результате которого он якобы открутит чудовищу голову голыми руками.

Весьма кстати явилась огородница Даша:

– Куда ты его ведёшь, изверг?! – крикнула она из-за забора, а потом появилась сама вслед за выкриком, была она с тяпкой в руках. Всякие штучки соблазнителя были ей знакомы. Ни слова больше не говоря, так как слова на соблазнителя действовали не больше, чем на собак, она попёрла на него тяпкой, подхватила Кирилла и умыкнула его от соблазнителя.

– Какой ты мягкий! – нежно сказала она уже Кириллу, когда поняла, что ведёт его не за борт пиджака, как сначала подумала, а за клочок шерсти. – И волосатый!

У Даши Кириллу было хорошо. Хотя читать было нечего. Пришлось смотреть телевизор, по которому показывали то дождь, то снег, то ветер, слабый до умеренного, то солнечную погоду, интересную, однако, только в цветном изображении. Особенно захватывало Кирилла зрелище зимней игры, когда несколько человек медведей, разбившись на две противные группы, загоняли одни других в медвежий угол при помощи круглого надутого предмета. Когда предмет попадал в один из углов, показывали уже тех медведей, которые ликуют, непосредственного участия в загонах не принимая.

Даша тоже ликовала, но как-то односторонне, лишь тогда, когда круглый предмет попадал в угол только одной из сторон. Кирилл понял так, что ей была дорога честь только одного из этих двух медвежьих углов.

Иногда в минуту такого порыва Даша обращалась к нему:

– Возьми меня в жёны, Кирюша!

Кирилл долго думал, потом отвечал:

– Ничего не получится, Даша, нас не распишут. Во-первых, я считаюсь как бы иностранцем, во-вторых, я как бы нарушаю паспортный режим.

– Да ты же умный, Кирюшка! Придумал бы что-нибудь!

– А что придумывать-то? Что, ты мужика себе найти не можешь?

– Да что ты! Мужик-то нынче какой? Всё бабе на шею сесть норовит. А огород копать не может. Как похожу с кем день-другой, спрашиваю: «А огород копать можешь?» На следующий день его уже и не сыщешь. А у тебя все четыре руки золотые, вон как мне всё прополол...

– Да это у меня потомственное. Берлоги роём.

– И продукты вон как здорово носишь! Я в зубах столько не унесу, да и мужик никакой не унесёт. От этих слов Кирилл млел, а Даша уже на ухо ему шептала:

– Душевный ты! И непьющий...

Так бы всё хорошо, но стал Дашу беспокоить участковый, мол, живёт у неё без прописки. Даша и так и этак, не помогает. Студент, говорила, снимает угол. А участковый – не положено, говорит, и справки где? Родственник дальний, она ему, погостить из города приехал. Вид какой? А какой такой вид? Вид у них там сейчас самый модный! Не работает? Ещё как работает! А оформить, так почему бы и не оформить, завклубом можно. Он малину заведёт? Так пусть хоть малину заведёт! Мы ему всем миром проигрыватель купим!

Участковый махал рукой, но ясно, что до поры до времени.

Как-то по телевизору не было игр, показывали в основном народ в яме, над которой кто-то очень изголодавший махал веточкой, мол, вылезайте, и тут же – опять сидите, но они там делали своё дело, один стучал в пень, другие пытались порвать очень прочную паутину, и в результате был раздражительный гул, словно от большого пчелиного роя. Кирилл забеспокоился и выключил прибор.

Стало скучно, и Кирилл, блуждая взглядом по стенам, остановился на божнице.

– А это кто? – спросил он Дашу.

– А это Богородица, Иисус и Иоанн Предтеча.

– Ну и кто из них главный?

– Иисус главный.

– Он кто?

– Бог.

– Что такое Бог?

– Ну, это, который выше всех. Не понять тебе.

Кирилл вспомнил про Большую Медведицу, обиделся за такой упрёк, помедлил и спросил ещё:

– А Предтеча – это его папа?

– Татарин ты! Предтеча, это он учил, что вот придёт тот, который станет впереди его.

– Он, значит, очередь за него занял?

– Кирилл! Бог с тобою! Это он свидетельствовал о свете, но сам не был свет, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. И этот мир этот свет не понял.

– Кто кого не понял?

– Мир не понял. Мир был тьма, и тьма свет не поняла.

– Ну, так оно не бывает. Если тьма, и ты, скажем, в берлоге, то если уж потом тепло и свет, так сразу поймёшь – вставать пора...

– Вставать пора, вставать пора! Это свет – свет для тех, кто спит. А здесь о том свете речь, который духовным оком понимать надо!

– Оком я не пойму. Вот если шкурой, тогда другое дело.

– Вон как ты заговорил! Да что с тебя взять! Тёмный ты человек, даром что медведь.

– Тёмный, а ты объяснить толком не умеешь. Свет, мир, кто перед кем стоит! А по мне, так никакого Бога нет. Вот ведь по телевизору его не показывают? Не показывают. А чуть чего, напоминают, что его вообще нет, а то бы обязательно показали по всем каналам.

– Так его-то показать нельзя. Он сам показывается, является то есть, да не всем, а тому, кто свят!

– Это ты-то святая?

– Я-то не святая, мне он и не показывается. На то у меня и икона, чтоб без показа его видеть. Понял?

– Не понял. Я так понимаю, если он есть, так у него и заместитель есть, а если его нет, тем более должен быть заместитель, когда его нет...

– Даёшь ты, Кирюшка! Да это ж ересь католийская! Это у них папа есть, как будто замещает...

– Папа? Нет уж, если папа, так, по-моему, лучше так, что Бог есть, а папы никакого нету.

– Да он хоть и есть, для нас он никто.

– А я знаю, кто для нас кто.

– Кто, Кирюшка?

– Участковый, вот кто. Его и по телевизору часто показывают, правда, в актёрской форме.

Он снова подумал о Большой Медведице, а она задумалась о родственниках, которые ей уже давно намекали, что пора бы ей им своего показать, а то так всё не по-людски, может, он у неё кривой какой или косолапый, да всё это так, лишь бы человек хороший.

Утром, когда Кирилл поливал огурцы, мимо на велосипеде проехал соблазнитель. Слез с велосипеда, постоял, посмотрел, как Кирилл огурцы поливает, отвёл велосипед домой и вышел снова, уже при параде. Орденов только не хватало.

– Кирилл, дело есть!

– Ну, что тебе? – буркнул Кирилл.

– Зла на меня не держишь?

– Да не держу!

– Тогда айда со мной. Меня две девахи ждут на метро «Пельменная», а приятель мой в собрании сидит. Пошли, а?

Кирилл давно мечтал побывать в метро. «Девахи – дело нехитрое, – решил он, – зато прокачусь». И он согласился.

В метро на эскалаторе Кириллу первым делом посоветовали стоять справа, так как слева проходят. Он посторонился и наступил кому-то на ногу. «Медведь!» – рявкнули на него. «Ну и что, – подумал Кирилл, а вслух сказал: – Простите чистосердечно!»

Вагон с автоматическими дверями был похож на большую светлую берлогу, где было много людей, которые не обращали никакого внимания друг на друга. Наверное, ехали они так вместе уже несколько лет и потому порядочно поднадоели друг другу. Рядом с Кириллом оказалось существо, уткнутое в книгу, которую Кирилл не встречал в собрании укротителя. «Не будете ли вы так любезны, чтобы назвать мне заглавие книги?» – вежливо спросил Кирилл. Существо передёрнулось, но ничего не ответило. «Ферцайен зи, абер их мёхте нур ден титель дизес бухес виссен». Никакого ответа. «Же ву деман пардон...» Существо встало, показало Кириллу обложку, где было написано: «Перхоть. Стихи зрелых поэтов» – и отошло в другой медвежий угол вагона.

На станции метро «Пельменная» их действительно уже ждали двое в брюках. «Ага», – сказала одна. «Гага», – сказала другая. «Мой друг Рольф, кинопродюсер», – представил Кирилла соблазнитель, как договорились. «О`кей», – сказал обеим, как договорились, Кирилл. «В кафешку “Жёлтенький домик”?» – предложил соблазнитель. «О`кей», – сказали Ага и Гага.

Уже за столиком Ага спросила Кирилла: «А ты можешь сводить, если будут крутить фильмы из-за угла?» – «О`кей!» – ответил Кирилл, как договорились. «Статично!» – с восторгом сказала Ага. И ушла в туалет. «А меня сводить тоже можешь? А то такая ностальгия!» – спросила Гага. «О`кей!» – сказал Кирилл, как договорились. Пришла Ага, и Гага ушла в туалет. «А дублёнку такую же клёвую, как у тебя, можешь сделать?» – «О`кей», – сказал Кирилл, он же Рольф. Пришла Гага, и соблазнитель ушёл в туалет. «А ты этого кадра давно знаешь?» – спросила не то Ага, не то Гага. Про этот вопрос никак не договорились, Кирилл полез почесать затылок, растерялся совсем и вынул изо рта галош. Галош купил ему по дороге соблазнитель, чтобы Кириллу было что жевать и смахивать на Рольфа. Ага и Гага потеряли дыхание. «Это я так. От дождя», – смешался совсем Кирилл и померил галош на голову. Ага и Гага сияли от счастья. К счастью для Кирилла, заиграла музыка, и Ага пригласила его танцевать. «У, танцуешь ты, забалдеть можно. Статично!» – сказала Ага. Рядом с ними статично динамировали соблазнитель с Гагой. Танец напоминал движения грузчика с ящиком в руках, не знающего, в какую сторону поставить ящик. Потом снова сели за столик, и Кирилл всё время говорил «О`кей», а когда у него выпал галош под стол и он за ним наклонился, Ага шепнула Гаге, что он такой сексапильный. Потом подошли к столу два акселерата лет по сорок, стали говорить: «Ай да девочки!», а соблазнитель тут же испугался и независимо покинул общество. Кирилл не знал, говорить ли ему дальше «О`кей», и акселераты сказали ему: «Пойдём выйдем», и он-таки сказал: «О`кей». Они, видимо, возымили виды на Агу с Гагой и повели Кирилла в туалет, где, как он предположил, должны были предъявить ему свои большие права на Агу с Гагой. Но в туалете они почему-то предъявлять права не стали, а подступили к Кириллу со взятием за грудки, отчего тот удивлённо развел руками, и акселераты упали. Подоспевшие дружинники бережно подняли акселератов, в то время как некий бритоголовый малый увлёк Кирилла из туалета и поспешно вывел на улицу. «Лучше не связываться», – приговаривал он.

Когда они остановились за углом отдышаться, малый спросил его: «А ты знаешь, кого ты уложил? Ты первую перчатку сапоговаляльного техникума уложил! Он тут главарь местных хипарей. Ну, брат, ты, оказывается, смел! Только теперь держись отсюда подальше. А мы с тобой одну штуку провернём...»

Малый оказался тренером, он готовил команду стоматологов для товарищеской встречи с командой пациентов. Тренер хотел выставить Кирилла в тяжёлом весе.

Кирилл действительно проявил способности, помяв всех товарищей по команде, некоторых пришлось отправить к костоправам. Тренер показал ему два-три приёма в стойке и один в партере, сказал, что это будут его коронки. Кирилл не понимал, зачем ему коронки, если все зубы в порядке. Но потом решил, что это нужно для престижа команды стоматологов.

После нескольких занятий тренер решил, что Кирилл подготовлен, и остальные тренировки перенёс в баню. Надо было привести вес в порядок. При входе в парилку путь Кириллу преградил банщик: нельзя в одежде! Тренер сунул ему в потную руку рубль, и тот выпустил. После парилки Кирилла задержал при выходе другой банщик: нельзя без одежды! Тренер сунул ему рубль, и тот выпустил.

Замысел лопнул только на самом ковре. Рефери осмотрел Кирилла, подошёл к судейскому столу, переговорил с коллегией и, вернувшись на ковёр, поднял руку кириллова супостата. «Дознались, что я не стоматолог», – мелькнуло в голове у Кирилла. Однако всё оказалось ещё хуже, его сняли с соревнований за нестриженные ногти.

Нет нужды перечислять все перипетии его дальнейшей земной жизни. Он нанимался нянчить младенцев, давал частные уроки для поступающих в вузы, служил администратором в гостинице, одно время пробовал быть скульптором.

Последнее время он был занят в научно-исследовательском институте. Его испытывали на пребывание в одиночестве, заключая в уютную берлогу с кислородным питанием, крутили на центрифуге, делали эксперименты на совместимость, сажая в замкнутые пространства вместе с разговорчивыми партнёрами, с которыми он всегда находил общий язык. Его увешивали датчиками и счётчиками, и он терпел, полагая, что будет, в конце концов, запущен в космос, где сможет приблизиться к Большой Медведице. Но в космос его всё не посылали, и он уже подозревал, что не подходит по какому-нибудь из пунктов, но вдруг оказалось, что его готовят к операции по пересадке мозга, срочно понадобившегося какому-то выдающемуся мыслителю, собственный мозг которого очень устал.

Это известие вселило в Кирилла новую гордость за собственную голову, но потом он возмутился: такую голову лучше оставить на собственных плечах. И как-то вечером, когда дежурила симпатизировавшая ему сестра, он, подобно Керенскому, масону 33-й степени посвящения, бежал, переодевшись женщиной.

Через какое-то время он уже добрался до своих.

Свои приняли его сперва настороженно, но потом он заслужил авторитет своими рассказами о приключениях у братьев по разуму.

Но разговоры разговорами, а жизнь требовала дела. Кирилл пытался привить сородичам какие-то ремёсла, но они в большинстве своём оказывались излишними. После неудачи со школой перипатетиков (трудно было вести, гуляя, философские беседы, так как деревья всё время отделяли учителя от учеников) Кирилл решил осуществить общее руководство. У людей он немало насмотрелся на статуи с указующей дланью (статуя Свободы и пр.). Сородичи только и ждали, чтобы им указали правильный путь, и Кирилл, указав его, сам двинулся во главе общества. Общество наращивало скорость, следуя за ним, но однажды он остановился, чтобы призадуматься, куда же вести дальше. Он не рассчитывал, что инерция масс, как правило, превышает инерцию вовремя остановившегося вождя. И Кирилл, бывший, по сути дела, всю свою долгую жизнь неудачником, был смят и растоптан последователями, которые, продолжая наращивать скорость, смели с лица земли всё прочее население. Обернувшись в своём беге несколько раз вокруг планеты, они осели и стали ждать второго пришествия Кирилла. Так образовалась Косолапландия-Медвежандия.

Пожалуй, я слишком затянул изложение эсхатологических версий. Но что поделаешь, перетолки об этом питали умственную атмосферу внутри колпака. Были ещё апокрифы о некоем Обезьянопо-

лисе, городе, населённом потомками людей. Обезьянополис был не один, а множество, существовали даже карты с подробными описаниями, ими не по назначению пользовались уже в Козландии.

Есть домыслы, утверждающие существование этих держав всех вместе и касающиеся их якобы взаимоотношений. Так, сильные Осландия и Козландия боролись за право влияния на развивающуюся Косолапландию-Медвежандию. Обезьянополис сохранял нейтралитет, так как настолько гордился своим происхождением, что ни с кем связываться не хотел.

Есть версии, доказывающие, что эти державы были не одновременно, а происходили друг из друга. Дихотомические процессы в Осландии привели к тому, что делиться стали не только внешне, но и внутренне (нечто подобное предлагалось в диалоге Платона «Пир», где боги разрубали андрогинов на две камбалоподобные части, намереваясь разрубать их и дальше, если этого требуют невыносимые обстоятельства). Делясь внутренне, делимые становились всё элементарнее и элементарнее, пока не пришли к искомому виду хромосом, т. е. Икс- и Игрек-Карликам, которые основали Козландию. Козлы отпущения, оказавшиеся в медвежьем углу, основали Медвежандию, причём утверждалось, что как только Великан величиной, скажем, в 1000 Карликов становился козлом отпущения, то без него начинали почему-то хиреть 1000 Карликов, пусть даже до этого и в глаза не выдавшие того Великана.

Обезьянополис мог возникнуть в том случае, когда медведи под утраченным водительством Кирилла сметали всех с лица планеты. Обезьяны находились в то время на деревьях и остались не вытоптанными. То, что могло произойти потом, реконструируется из весьма дарвинистского апокрифа, который тоже был записан на внутренности колпака и своевременно смыт. Моя память передаёт этот текст таким образом:

Когда некоторые обезьяны
Спустились с деревьев,
придя к мысли о необходимости
стать свободными людьми,
прочие некоторые
продолжали висеть на деревьях:
«Мы не дураки!» –
делали они знаки ногами.

Спустившись с деревьев,
пришли затем к мысли,
что надо идти дальше,
чтобы на просторе оглядеться,
приглядеться друг к другу
и прийти к последующим мыслям.

Болтающиеся на ветках
страшали сошедших,
делая вид, что им сверху виднее –
сегодня сошли с деревьев,
завтра сойдёте с ума, –
что с вас взять,
от дураков надо держаться подальше...

Спустившись с деревьев,
на прощанье махали руками:
«Дураков бояться –
из лесу не выходить!»

Вот все эти версии, от благих намерений ведущие к катастрофам. Не всем хотелось, имея какой-то исторический опыт, жить с риском дихотомического размежевания или под угрозой оказаться козлами отпущения для какой-то объединившейся изобретательной мелочи. Могут и медведи растоптать во время очередной тренировки, ведь обезьяны явно обратно к себе на деревья не возьмут, да и деревья наперечёт.

Поиск независимости от истории привёл некоторых не к «выходу из лесу», а к идее создания автономного Ареала силами водолазов и околпачивателей.

Это тоже было благое намерение.

Никто не рассчитывал на моё появление, на мою странную страсть что-то запоминать, сравнивать и записывать. Придворным сочинителям исторического времени было удобно: они спрашивали, что и как писать, и, если что-то не так писали, постоянно исправлялись, за что их и держали. Здесь же в целом пришли к полному отрицанию так называемого нематериального творчества. Да и почти инстинктивно преследовали всякий интерес к действительно происходящему.

Моё пристальное любопытство к происходящему не могло остаться незамеченным.

Находящиеся внутри Ареала непотомственные, те, кто непосредственно не участвовали в грандиозном строительстве, замыслили недоброе, и не мог от них ожидать добра тот, кто был способен раскрыть их замысел.

Непотомственные устраивали различные демонстрации, вплоть до демонстрации кинофильмов, лишь бы усыпить бдительность трудящихся потомственных. Таким образом, они ожидали, что, как только сомкнётся колпак, ситуация будет такой: водолазы останутся вне Ареала, и к тому же без воды, так как непотомственные замуруют все входы, стоит только крошечной воде всей войти внутрь. Околпачиватели останутся на поверхности колпака снаружи.

Ни те ни другие не смеют, согласно программе, портить своё создание.

И вот тогда непотомственные отделятся от материка, а затем, выпуская постепенно воду, отделятся и от всей планеты, так как водяная струя создаст необходимую реактивную тягу – естественный жидкостный реактивный двигатель.

По мнению непотомственных, я был единственным, кто мог бы, пользуясь письменностью, выдать информацию об их замысле либо современникам, либо потомкам. Собственно говоря, из-за того они и проводили кампанию по смыванию. То, что за колпаком не было грамотных, им не было известно, так как и они были весьма малограмотны.

– Ну что, всё пишешь? – как-то спросили меня непотомственные в непромокаемой одежде.

– Да так, помаленьку, – скромно ответил я.

– А пользуешься ли ты условностями? – спросили непромокаемые.

– Нет, я в основном пользуюсь слухами, – ответил я, поскольку слухи были критерием истины для непромокаемых.

– Да мы тебя не об этом спрашиваем, – уточнили те, – мы спрашиваем, в каких условиях ты пишешь, может, тебе чего не хватает?

Я ответил, что условия, как у всех.

– Это плохо, если как у всех. Все не пишут. Тебе надо создать отдельные условия. Ты должен быть ближе к жизни и в то же время ближе к искусству. Мы поможем тебе прийти в надлежащее творческое состояние.

И они помогли. Они втолкнули меня внутрь памятника Великой Случайности, заткнули пробкой выход и написали снаружи: «ИКСпонат не трогать, он творит».

– Пусть зреет духовно и физически! – сказали они друг другу и стали расплываться, пока вдруг не исчезли совсем.

А потом исчезла и вода, в которой они исчезли.